

В. Г. Короленко

Трагедия великого юмориста

(Несколько мыслей о Гоголе)

Собрание сочинений. Том 5.

Литературно-критические статьи и воспоминания.

Библиотека "Огонек". Изд-во "Правда", Москва, 1953.

OCR Ловецкая Т.Ю.

I

Кто не помнит конца веселой Сорочинской ярмарки. Свадьба... "От удара смычком музыканта в сермяжной свитке с длинными закрученными усами все обратилось к единству и перешло в согласие. Люди, на угрюмых лицах которых, кажется, век не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами... Все несло, все танцовало"...

Но вот:

"Гром, хохот, песни слышатся все тише и тише, смычок умирает, слабея и теряя неясные звуки в пустоте воздуха. Еще слышалось где-то топанье, что-то похожее на ропот отдаленного моря, и скоро все стало пусто и глухо... Не так ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаёт от нас, и напрасно одинокий звук думает выразить веселье. В собственном эхе слышит он уже грусть и пустынно и дико внемлет ему. Не так ли резвые друзья бурной и вольной юности, по одиночке, один за другим, теряются по свету и оставляют, наконец, одного старинного брата их... Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится сердцу, и нечем помочь ему"...

Это написано в 1829 году. Значит, этот крик щемящей тоски вслед за кипучим и бьющим через край весельем вырвался из груди двадцатилетнего юноши!

Таких смен настроения в произведениях Гоголя очень много, и они указывают на глубокую, прирожденную черту темперамента. Именно прирожденную: это было наследство, полученное великим русским юмористом от отца.

Уже биография Василия Афанасьевича Гоголя даёт черты таких же смен меланхолии и веселья. Здоровье его с детства было ненадежно. "Васюта, слава богу, по силе своих сил и дарований, успевает, -- писал о нем, малолетке, его учитель.-- Я его понуждаю к учению, соображаясь всегда силам его телесным, которые усматриваются невелики". В одном письме к Д. П. Трощинскому сам Василий Афанасьевич объясняет свое отсутствие на службе в почтамте, где он числился, какими-то тягостными и продолжительными припадками. Отголоски этих жалоб звучали даже в письмах к невесте: "Милая Машенька, -- слабость моего здоровья наводит страшное воображение, и лютое отчаяние терзает мое сердце" {П. Е. Щеголев, "Отец Гоголя" ("Историч. вестн.", февр. 1902).}.

Во внешних обстоятельствах личной жизни как будто не было никаких причин для такого "лютого отчаяния". Наоборот, судьба щадила хрупкое создание: существование Василия Афанасьевича складывалось спокойно и счастливо. Полюбив Марью Ивановну Косяровскую, он стал ухаживать за нею поэтично и робко. Об этой идиллии сама Марья Ивановна следующим образом рассказывает в своих воспоминаниях:

"Когда я, бывало, гуляю с девушками по реке Псла, то слышала приятную музыку из-за кустов другого берега. Нетрудно было догадаться, что это был он. Когда я приближалась, то музыка в разных направлениях сопутствовала мне до самого дома..." Бесхитростное ухаживание увенчалось успехом. Василий Афанасьевич женился, имел детей и жил мирною жизнью украинского помещика. Вопросы высшего порядка, по-видимому, не тревожили простую душу. Он был прекрасный рассказчик, гостей умел смешить анекдотами, легко подмечал смешные черты у людей, но смеялся безобидно и благодушно. Легко сочинял стихи, но никогда не брался за это серьезно. Писал на малорусском языке комедии, в которых являлся смешной украинский чорт, дьячок в долгополом хитоне, неповоротливый дядько, лукавая молодница и т. д. Это был наивный репертуар первоначального украинского театра. "Шутка и песня для приятного провождения времени,-- говорит биограф, -- вот все, что мог искать тогдашний писатель в родном быту. И Гоголь-отец очень умело и искусно почерпал из него элементы для своей комедии". В мозгу отца роились, очевидно, те же юмористические образы, с которых сын впоследствии начал свою писательскую карьеру...

Так шла жизнь Василия Афанасьевича Гоголя, тихо и безмятежно. "Амуры венчали" его семейное